

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕПИСКИ В ЛАГЕРЯХ СССР В 1920–30-Е ГОДЫ

Кирилл Александрович Баталов

магистрант Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
arcada2006@gmail.com

Для цитирования: *Баталов К. А.* Особенности переписки в лагерях СССР в 1920–30-е годы // Церковный историк. 2019. Т. 1. № 1. С. 262–268.

Аннотация

Настоящая статья посвящена особенностям переписки в среде заключённых в концентрационных лагерях СССР в период 1920–30-х годов на примере Соловецкого лагеря особого назначения. Описана доставка официальной почты и неофициальные способы коммуникаций, распространённые в среде узников лагеря, в условиях информационной изоляции, искусственно организованной советской властью. Соловецкий лагерь особого назначения выбран как первый масштабный объект концентрации заключённых в годы гонений и даёт наглядное представление об оформлении почтовых отправок и работе самой лагерной почты. Раскрыта роль духовенства, сосредоточенного в Соловецком лагере в обороте писем и посылок. Сравниваются особенности переписки в царское и советское время.

Ключевые слова: переписка, Соловецкий лагерь особого назначения, письма, «бутылочная» почта, аббревиатурный гриф, поморы, предсмертные послания, СЛОН, Кемь, Соловки.

Деятельность советской власти в 1920–30-е годы характерна созданием условий информационной изоляции. Основной составляющей борьбы с любым инакомыслием в этот период стало искажение правдивой информации о положении дел в государстве, равно как и создание искусственных препятствий для утечки каких-либо правдивых сведений как по стране, так и за рубеж. Средства массовой информации распространяли данные, далёкие от реальности, ложь и клевета становились преобладающими «инструментами» при формировании сознания и мнения «нового безрелигиозного человека», «представителя светлого будущего».

Развитие системы дезинформации, блокирование каналов связи, запрет объективного освещения событий стали основой информационной деятельности, вернее «антидеятельности», советской власти. К контрреволюционной деятельности или антисоветской пропаганде приравнивались любые попытки распространения информации об истинном положении дел, передача аналогичных сведений за границу считалась шпионажем. Жёсткой цензуре подвергалась любая переписка, особенно в условиях организуемых в те годы на территории СССР концентрационных лагерей. Именно о способах переписки пойдёт речь в настоящей статье на примере Соловецкого лагеря особого назначения как первого масштабного лагеря, созданного внутри страны.

Письма и возможность их отправления были единственной нитью, которая связывала с миром находившихся в лагерях СССР в 1920–30-е годы. Переписка поддерживала и воодушевляла не только заключённых, но и их близких и друзей, и целые семьи, и приходские общины, оставшиеся без своих глав. Знакомство с письмами даёт возможность понять специфику информационного обмена страждущей в эпоху гонений Церкви и уловить особенности организации отдельных лагерей и положение в них исповедников и мучеников за веру. Следует отметить, что многие письма имели на себе аббревиатурный гриф, который делал хранение письма небезопасным и грозил близким корреспондента лишением свободы и репрессиями. Аббревиатуры носили следующий характер: «ЧС — член семьи, ЧСВН — член семьи врага народа, ЧСИР — член семьи изменника родины, ЧСР — член семьи репрессированного, ЖВН — жена врага народа или ЖИР — жена изменника родины, РВН — родственники врага народа»¹. Большая

1 *Флоренский П. В. ...Пребывает вечно: Письма П. А. Флоренского, Р. Н. Литвинова, Н. Я. Брянцева и А. Ф. Вангенгейма из Соловецкого лагеря особого назначения: 4 т. Т. 2.*

часть корреспонденции, содержащей подобный гриф, уничтожалась после прочтения.

Пример Соловецкого лагеря особого назначения как первого масштабного объекта концентрации заключённых в годы гонений даёт наглядное представление об оформлении почтовых отправок и работе самой лагерной почты.

В летнее навигационное время почта, товары и посылки без особых затруднений перевозились по морю. Далее по северному архангельскому тракту корреспонденция доставлялась в Москву. Поздней осенью, зимой и весной, когда шуга, ледоход и ледостав затрудняли работу почтовой службы, доставка становилась опасной или попросту останавливалась.

В зимнее время для перевозки почты нанимались поморы, которые знали особенности зимнего Белого моря по собственному опыту. Они отправлялись в рискованный путь на специальных лодках, оснащённых специальными полозьями, дающими возможность перетаскивать лодку по льдинам. Так перевозилась почта из Соловецкого монастыря несколько веков назад, так же она транспортировалась во время действия на территории монастыря Соловецкого лагеря. Одна лодка могла вместить до «240 кг груза и 6 человек пассажиров»². Подобная навигация ввиду непредсказуемости погоды могла длиться неделями, что вынуждало почтарей запастись провизией на месяц и более. Таким образом, во время летней навигации почтовые отправления шли в пределах трёх недель, а зимой и осенью пересылка могла занять полгода и более.

Почтовая контора на Соловках длительное время не создавалась, отсутствовала регулярная почтовая связь с Соловецким архипелагом, как и специальный почтовый штампель. Почтовая контора Соловецкого острова была учреждена только в 1943 г. До этого письма морем отправлялись в Архангельск, где и сдавались на почту.

В 1915 году в Кемь была проложена железная дорога и запущен почтовый вагон «Петроград — Кемь». Путь от железнодорожной станции Кемь до Соловков стал занимать от 3 до 5 часов, ранее от Архангельска он занимал ровно сутки.

Весной 1920 года был ликвидирован Соловецкий монастырь, и в апреле того же года организован «Лагерь принудительных работ для заключения военнопленных Гражданской войны, осуждённых на исправительные работы». Судьба тех, кто должен был попасть в этот лагерь, стала известна благодаря письму, переданному автором сочув-

М.: Международный Центр Рерихов; Мастер-Банк, 2012. С. 62.

2 Федоров П. В. Соловки. Кронштадт, 1889. С. 14–17.

ствующему охраннику. «Нас, 800 человек <...> повезут в лагерь на Соловках в 250 верстах к западу от Архангельска. Еды нет. Холодно. Трудно поверить, что кто-либо выйдет оттуда живым. Я очень болен. Тоскливо. Если есть какая-то возможность, помогите. Прощайте. Ваш сын Е. Архангельск, 21 ноября 1921»³. Но арестованные были отведены к набережной для ожидания парохода на Соловки и расстреляны. Письмо нашло адресата только спустя четыре месяца.

Помимо официальной почты в СЛОНе, как и в иных лагерях, существовала неофициальная, или «бутылочная», почта: надписи на стенах, запрятанные записки, вырубленные на валунах слова, то есть все виды переписки давних времен были присущи и Соловкам. Надписи-«граффити» на стенах оставались паломниками-трудниками Соловецкого монастыря. Некоторые из них гласили: «Починял кровлю Тимофей Тышов 1903 г.» (о. Анзер, Троицкий скит, колокольня, на деревянной лестнице); «Здесь жил конюх Андреевский» (на стене в конюшне). Большое количество хозяйственных записей сосредоточено на балках фуражного амбара возле монастыря (посёлок на Большом Соловецком острове, ул. Сивко).

Заключённым, сознающим, что иной возможности оставить близким хоть какую-то весть о себе может не быть, писали о себе на чём попало, надеясь на прочтение когда-либо написанного. Предсмертные послания сохранились в укромных местах на стенах строений.

Пролёт лестницы, стены и подоконник церкви-маяка на Секирной горе, где в годы лагеря располагался штрафной изолятор, хранят следующие надписи:

«Н. Чарковский 19 июля 1892 года рождения»;

«Был Василий Слабоумков»;

«Джон Вокинслод 1927 г. ...мая»;

«Срок 3 года «ШИЗО», номер... Г. П. У., дело 1005 т. 1. 21/VII — 30 г.»;

На острове Анзер факт своего пребывания в лагере заключённые отмечали непосредственно простым карандашом на брёвнах часовни над святым источником, поблизости от Свято-Троицкого скита⁴:

«Квитка Петро Остапович, украинец возыв воду в Соловках Срок 3 года статья 17...»;

«Здесь был водовозом В. А. Дмитриев. Чистый сей колодец. 6/III-27»;

3 Попов Г. В лапах ЧК / Пер. с гол. А. Куратовой. Амстердам, 1925. С. 47.

4 Флоренский П. В. Указ. соч. С. 110.

«Здесь гулял И. А. Краснюк, сам с Кавказа г. Майкоп — суждён на три года 20/IV — 27 г.»;

«Шпак Иван Викторович 1932 по 1935, домой приду, кто знает меня, тот вспомнит»;

«Суждён на три года Харьковской тройкой без...»

Надписи сохранились сквозь годы. Их наносили на стены, на дерево или штукатурку, очередная покраска скрывала написанное. Ныне они открываются вновь. В коридоре братского келейного корпуса Троицкого скита острова Анзер в 1989 г. под слоем обвалившейся штукатурки была обнаружена надпись следующего содержания:

«Прощай, Анзер! Нечем помянуть будет тебя хорошим — это не жизнь, а нечто худшее смерти. Дай Бог не увидит тебя больше. Прощайте и люди, населяющие тебя, что не оставили в душе ни одного светлого воспоминания. Прощайте! 1924 г.»⁵

Писатель–маринист Виталий Георгиевич Бузанов вспоминает, как в годы обучения в Соловецкой школе юнг курсанты отрабатывали погружение на озере возле Савватьевского скита. Доказательством достижения дна курсантом могло стать что-либо поднятое со дна озера. Так, Бузанов извлёк пузырь из клеёнки, скрывавший в себе письма, фотографии, документы женщин (в Савватьево находилось женское отделение лагеря). Документы были изъяты офицером СМЕРШа с приказанием хранить молчание о находке.

Заключённые выбрасывали письма из окна поезда, следующего по этапу, рассчитывая, что они будут найдены и доставлены по адресу. Письма собирались сочувствующими людьми. В 1937 г. был арестован брат деда П. А. Флоренского — геолог Александр Александрович Флоренский. По прошествии времени в почтовом ящике его ученика Валерия Петровича Петрова оказалось письмо от А. А. Флоренского без почтовых отметок. Оно было доставлено и подброшено кем-то неизвестным.

Имели место попытки писать письма родным на брёвнах, которые поставлялись за границу. Зная, что древесина отправляется за рубеж, заключённые вкладывали письма в щели брёвен. Отдельная часть таких посланий была опубликована на Западе. «Подобные послания могли быть заверены «дактилоскопически», но не отпечатком пальца, а самим пальцем»⁶. Часто заключённые отрубали себе конечности, избегая

5 Там же С. 111.

6 Там же С. 113.

непосильных работ, грозивших смертью, и надеялись на попадание в лазарет. Результатом получения таких посланий, обогранных кровью, становился отказ некоторых стран от импорта леса из СССР.

Дмитрий Сергеевич Лихачёв, будучи заключённым на Соловках, высек свою фамилию на валуне в лесу. Валун с фамилией позже находили не один раз.

Особым образом складывалась судьба духовенства. Большое количество священнослужителей и мирян, осуждённых по церковным делам, было сосредоточено в Соловецком лагере. Совершать богослужения православному духовенству разрешалось в единственно действующей в период 1925–1931 гг. кладбищенской церкви прп. Онуфрия Великого. Католики имели аналогичную возможность молиться в часовне прп. Германа. Численность духовенства в Соловецком лагере в 1925 г. «по разным данным колебалась от 120 до 500 человек»⁷. Именно на духовенство была возложена выдача писем и посылок, охрана хозяйственных и продовольственных складов. Исполнение этих обязанностей только духовным сословием гарантировало, что письма и посылки дойдут до адресата в целостности, продукты не будут съедены, а склады разворованы. Причём периодические расстрелы каптенармусов из иных слоёв обитателей лагеря не меняли ситуацию.

В царское время переписку заключённых контролировала администрация исправительного учреждения или следователи, но объём переписки никак не ограничивался. Первые попытки лимитировать обмен письмами были предприняты советской властью, которая изначально продолжала традиции царского времени.

По данным 1920 г., заключённые в зависимости от разряда имели право отправлять от одного до трёх писем в неделю, штрафники и лица с ужесточённым режимом то же количество могли отправлять один раз в месяц. Находящиеся под следствием и имеющие право на обмен корреспонденцией ежедневно могли отправлять одно письмо. Письма заключённых регулировались местными условиями и правилами внутреннего распорядка⁸.

Как много боли скрывается за этими общими фразами «о местных условиях и правилах внутреннего распорядка». Даже те письма, которые допускались к отправлению, проходили жёсткую цензуру и содержали лишь общую нейтральную информацию, которую едва могли позволить себе авторы писем. Переписка не могла содержать сведений о союзниках,

7 *Флоренский П. В.* Указ. соч. С. 113.

8 *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. Ч. 2. С. 276–278.

с которыми отправители писем пребывали в заключении, не могли они содержать и какой-либо негативной информации о быте и устройстве лагеря. Таким образом, официальная переписка представляла собой лишь напоминание о том, что человек ещё жив, и вселяла некую надежду на возможное освобождение и встречу с близкими, которых, к сожалению, большая часть заключённых не дожидалась.

Библиография

Попов Г. В лапах ЧК / Пер. с гол. А. Куратовой. Амстердам, 1925.

Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. Ч. 2. М.: Просвет, 1991.

Федоров П. В. Соловки. Кронштадт, 1889.

Флоренский П. В. ...Пребывает вечно: Письма П. А. Флоренского, Р. Н. Литвинова, Н. Я. Брянцева и А. Ф. Вангенгейма из Соловецкого лагеря особого назначения: 4 т. Т. 2 / Авт.-сост. П. В. Флоренский; Комм. П. В. Флоренский, И. С. Жарова, Л. В. Милосердова, А. И. Олексенко, А. А. Санчес, В. П. Столяров, В. П. Флоренский, Т. А. Шутова. М.: Международный Центр Рерихов; Мастер-Банк, 2012.